

@yy_Leonidov

БЕЗДНА ПОД АСФАЛЬТОМ

Псевдоним @yy_Leonidov

Бездна под асфальтом

<https://litres.ru/74489479>

SelfPub; 2026

Аннотация

Напарник Алекса Вейла исчезает в стене, которая светится изнутри. Вскоре Алекс обнаруживает на своей коже карту девяти уровней и узнаёт: он не просто работник метро — он живой замок, которым его сделал собственный отец. Корпорация «Айрон-Гейт» охотится за ним, чтобы разорвать границу между мирами. Чтобы спасти город, Алексу придётся спуститься в Сердце лабиринта и заплатить единственной валютой, которую принимает древний договор: собственной памятью.

Содержание

Глава 0. Пролог. Человек, который не помнит, что он замок	4
Глава 1. Ночная смена и исчезновение коллеги	7
Глава 2. Тёплая стена и первая тварь	12
Глава 3. Попытка Зинченко скрыть аномалию	17
Глава 4. Термос, который сохраняет тепло	21
Глава 5. Символы на теле после странного сна	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Псевдоним @уу_Leonidov

Бездна под асфальтом

Глава 0. Пролог. Человек, который не помнит, что он замок

Утренняя смена начиналась с грохота.

Алекс Вейл стоял на платформе станции «Квинс-Бульвар» в половине пятого утра, когда первый состав прошивал тоннель на скорости, от которой вибрировали зубы и сыпалась известка с потолочных плит. Он пил кофе из картонного стаканчика — дешёвый, растворимый, с привкусом цикория — и смотрел, как люди спешат мимо него к эскалаторам. Люди наверху. Пока ещё люди.

Восемь лет он работал линейным обходчиком на «Айрон-Гейт». Восемь лет спускался в забойную — туда, где кончались свет, шум и человеческие законы, и начинались бетон, сырость и тишина, в которой даже собственное сердце казалось чужим механизмом. Работа была простая: обход периметра, проверка датчиков давления на стыках плит, фиксация трещин. Корпорация называла это «поддержанием целостности инфраструктуры». Работяги называли это по-другому, но вслух — редко.

У Алекса была квартира на пятом этаже старого дома в Квинсе, где каждую ночь в четыре сорок две штукатурка сыпалась с потолка в такт проходящей подземке. Был шкафчик в раздевалке смены 417, где хранились запасные рукавицы, пачка аварийных талонов и фотография, которую он никогда не доставал. Была привычка молчать, отворачиваться от зеркал и не заводить друзей. Было одно правило, которое он вынес из детства, из тех лет, когда отец — Виктор Вейл, инженер-проектировщик, уже пропавший и списанный в утиль, — сажал его на колени и водил карандашом по миллиметровке, покрытой схемами замкнутых контуров.

«Граница держится не на цементе, сынок. Она держится на памяти. Пока помнишь ты — держится стена».

Алекс не помнил лица отца. Только запах машинного масла от его комбинезона, холодные пальцы и эти чертежи — круги, пересекающиеся окружности, ломаные линии, сплетавшиеся в узор, похожий на схему кровеносной системы. Иногда, засыпая под гул метро, он видел эти чертежи и просыпался с чувством, что за ночь из головы вынули несколько часов жизни.

— Вейл! — голос Чена перекрыл грохот состава.

Чен — его напарник, вьетнамец с третьей группой допуска, воровавший медный кабель со списанных линий и боявшийся крыс больше, чем корпоративных штрафов, — стоял у турникета служебного прохода, жуя бутерброд с дешёвым сыром. На его термосе, помятом алюминиевом, с вы-

царапанной на крышке эмблемой морской пехоты, болтался самодельный брелок футбольного клуба.

— Смена наша, — сказал Чен. — Ночная. Зинченко обещал, что сегодня будет тихо.

— Зинченко всегда так говорит, — ответил Алекс.

— Ну вот. Значит, сегодня точно будет тихо. Пошли.

Они спустились. За ними захлопнулся герметичный люк, отсекая мир, в котором солнце вставало, — и началась смена, которая, как потом скажет диспетчерская, «пошла по всем кругам ада». Смена 417. Последняя смена, в которой Алекс Вейл был просто человеком.

Глава 1. Ночная смена и исчезновение коллеги

Флуоресцентная лампа над головой издала сухой, предсмертный щелчок и погасла, оставив Алексу лишь тусклый, мертвенно-жёлтый ореол налобного фонаря. Пятьдесят футов голого бетона, пропитанного сыростью и мазутом. Здесь, на заброшенной ветке пятой линии, ремонтные поезда не ходили уже лет десять, если верить исцарапанным до металлического блеска табличкам аварийных выходов.

Алекс привычным движением поправил тяжёлый брезентовый ремень с инструментом, перехватил увесистый разводной ключ и сделал шаг вперёд. Резиновые сапоги глухо чавкнули по луже технической воды. Смена 417 должна была стать скучной, как все предыдущие восемь лет. Стандартный обход периметра, проверка датчиков на стыках плит, фиксация трещин. Ничего особенного. Если бы не Чен.

Напарник ушёл вперёд десять минут назад — проверить дренажный насос в секторе «Браво». И с концами. Рация молчала, выдавая лишь мерный, убаюкивающий треск статических помех, который в сырых тоннелях метро всегда казался предвестником чего-то недоброго. Алекс попытался вызвать его снова, вдавив тангенту до боли в большом пальце.

— Чен. Приём. Чен, твою мать, отзовись.

Тишина. Ни шуршания шагов по щебню, ни дыхания в эфире. Только глухой гул где-то в глубоких пластах земли — низкочастотная вибрация, от которой мелкая крошка сыпалась с потолка за воротник куртки. Алекс ненавидел этот гул. В корпоративных инструкциях его называли «техногенным резонансом путей», но работяги на смене знали: в тех местах, где тоннели уходили ниже уровня коллекторов, земля жила собственной, не поддающейся чертежам жизнью.

Алекс переключил фонарь на максимальную мощность. Узкий луч прорезал густую, осязаемую темноту, выхватывая из мрака облезлые стены, свисающие гирляндами пучки кабелей и ржавые рельсы, уходящие в слепой поворот.

Запах изменился.

Раньше здесь всегда пахло тухлой водой, ржавчиной и машинным маслом. Теперь привычный букет вытеснил резкий, металлический привкус озона. Воздух стал плотным, почти горячим, словно Алекс шагнул не в сырой подвал старой подземки, а в операционную перед включением мощного рентген-аппарата. На зубах закрипела невидимая пыль.

Он ускорил шаг, стараясь не думать о том, почему напарник не отвечает. Чен был парнем бывалым. Он не мог просто заблудиться на прямой ветке.

Алекс завернул за угол восьмого сектора — туда, где по плану должен был находиться пост дренажного насоса.

Пост пустовал.

Стальной щиток управления насосом был открыт, тумблеры выбиты в положение «выкл», а на полу валялся термос Чена — помятая алюминиевая колба, с выцарапанной на крышке эмблемой морской пехоты и болтающимся брелоком футбольного клуба. Рядом ни следов борьбы, ни крови. Только абсолютная, звенящая тишина, в которой собственное сердце Алекса казалось грохотом басового барабана.

— Чен? — крикнул он, и собственный голос прозвучал чужой, сухой развалиной в пустом мешке тоннеля.

Ответа не было. Но в наступившей тишине Алекс услышал кое-что ещё. Слабый, ритмичный звук. Кап-кап-кап. Только капала не вода. Звук был более плотным, тяжёлым. А стена слева от пустой будки странно изменилась: обычный серый бетон, покрытый десятилетиями копоти и солевых разводов, теперь едва заметно вибрировал.

Алекс сделал шаг ближе. Лучик света скользнул по шершавой поверхности, и он невольно зажмурился.

Бетонная стена светилась. Изнутри, сквозь микротрещины в кладке, сочился слабо пульсирующий зеленоватый свет — ровный, неестественный, живой. Стена была горячей. Алекс протянул руку и на расстоянии ладони почувствовал мощный, обжигающий жар, будто за этой перегородкой работала доменная печь.

Он прижался пальцами к сырому бетону. Кожу тут же обожгло — не огнём, а сухим, колючим электрическим разрядом. В голове на секунду потемнело, перед глазами вспых-

нули белые круги, а в ушах зазвучал чужой, шепелявый шёпот на незнакомом языке — словно сотни голосов одновременно царапали ногтями изнанку его черепной коробки.

Алекс резко отдернул руку, тяжело оседая спиной на холодный металлический рельс.

Периметр пробит. Корпоративная стена, которую его отец строил своими руками, дала трещину. И судя по запаху озона и термосу, который Чен бросил у пустого поста насоса, то, что скрывалось за этим бетоном все эти годы, наконец-то нашло выход наружу.

Он взял термос — металл обжёг пальцы сквозь перчатку — и сунул его в рюкзак. Кипяток. Через час после начала смены. В сыром тоннеле, где температура никогда не поднималась выше пяти градусов.

Рация ожила, выплёвывая треск и голос Зинченко — бригадира смены, толстого, пропахшего дешёвым табаком мужика, который всю жизнь глушил страх перед забойной концентратом.

— Вейл, ты где? Диспетчерская на ушах стоит. Пятьдесят седьмой состав встал на перегоне из-за просадки давления. Проверь датчики в восьмом, и чтоб без самодеятельности.

Алекс посмотрел на стену. Стена смотрела на него — сквозь микротрещины, сквозь толщу бетона, сквозь годы. Он уже знал, что соврёт. Он уже знал, что вернётся сюда. Потому что на левом предплечье, под тканью робы, тонкими иглами уже проступал узор — девять пересекающихся окруж-

ностей, пронизанных ломаными лучами. Он видел этот узор
однажды. На старых отцовских чертежах.

Глава 2. Тёплая стена и первая тварь

Он вернулся в восьмой сектор через два часа, когда Зинченко ушёл к центральному распределителю, матерись на кабель и грозясь лишить бригаду премии. Алекс сказал, что забыл ключ. Он не забыл ничего — он нёс в нагрудном кармане комок правды, который жег кожу, как раскалённая монета.

Стена ждала его.

Трещина, которую он видел пару часов назад, разрослась. Теперь это был вертикальный разлом высотой в человеческий рост, за которым клубился плотный, перламутровый туман. Изнутри доносился низкий, вибрирующий гул — не механический шум трансформаторов, а мерное, живое бие-ние гигантского сердца.

Тук... тук... тук...

Раскалённый воздух шёл от разлома волнами, опалая брови и ресницы. Защитные резиновые перчатки на поясе начали плавиться, испуская едкий химический запах. Алекс шагнул вперёд, не включая фонарь. В нём больше не было нужды.

Сквозь пелену тумана он увидел то, от чего кровь в жилах застыла. Там, за тонкой границей изменённого пространства, простирался колоссальный, уходящий во тьму город из

чёрного обсидиана и светящихся корней, висящий в бесконечной бездне. И в самом центре этого подземного мегаполиса, прямо напротив разлома, стояла высокая человеческая фигура в строгом корпоративном плаще «Айрон-Гейт».

Лица рассмотреть было невозможно из-за слепящего сияния, но фигура смотрела прямо на него. И в руке незнакомец держал точно такой же чёрный треугольный артефакт, какой сейчас жег бедро Алекса в кармане спецовки — нет, вру. Артефакта у него ещё не было. Пока не было.

Голос прозвучал не в тишине тоннеля. Он прозвучал внутри черепной коробки, в затылочной части, так чётко и громко, будто кто-то прижался губами к самому уху.

«Ключ повернулся. Договор подлежит пересмотру».

Алекс отпрянул — и в этот момент стена перед ним издала звук, похожий на треск ломающегося под прессом сушёного дерева. Изумрудное свечение на секунду захлестнуло тоннель целиком, выжигая краски, превращая ржавчину, бетон и железо в монохромные тени. А затем из расширившейся трещины пахнуло сухим, горячим ветром пустыни и тысячелетней пылью — запахом, которого просто не могло быть в сырых катакомбах нью-йоркского метро.

Из глубины стены, раздвигая бетонные крошки с пугающей лёгкостью, показалась длинная, лишённая ногтей кисть серого цвета.

Существо вывалилось из бетонной пасти не с криком, а с сухим, хрустящим звуком, похожим на то, как ломают ста-

рые сухие ветки в зимнем лесу. Оно пахло озоном, палёной шерстью и сыростью подвала, где лет тридцать назад провало канализацию. Гуманоид ростом чуть ниже человеческого, с непропорционально длинными, узловатыми конечностями. У него не было лица — там, где полагалось быть глазам, носу и рту, гладкая плоть образовывала лишь тусклую, мерцающую мембрану. Но оно смотрело. Алекс физически ощутил этот чужеродный, сканирующий взгляд, вбивающийся в черепную коробку ржавыми иглами.

— Вейл... — прохрипело существо.

Голос царапал изнутри черепную коробку — чужой, но до боли знакомый интонациями. Так скрипел старый радиоприёмник в отцовском гараже на коротких волнах. Тварь заскребла длинными пальцами по щебню балластной призмы. На её серой, обтянутой кожей груди проступали те же геометрические узоры, что жгли сейчас левое предплечье Алекса под тканью робы.

Инстинкт перевесил паралич. Алекс взмахнул ключом — грубым, чугунным, весом в четыре килограмма — и обрушил его вниз с такой силой, что в суставах плеча что-то хрустнуло.

Удар пришёлся в основание черепа твари. Раздался глухой влажный стук. Существо даже не пискнуло. Оно осело на шпалы, дернулось раз-другой, забрызгав мазут на щебне чёрной, густой, похожей на машинное масло жидкостью, и замерло. Свет из трещины на секунду моргнул, словно пере-

горела лампа в сыром подвале, и стал ровным, пульсирующим, в такт чьему-то тяжёлому дыханию из глубины.

Алекс стоял над телом, тяжело дыша. Воздух стал горячим, сухим, пахнувшим медью и озоном. На руке под тканью робы жжение переросло в нестерпимый жар. Он содрал перчатку, задрал рукав.

Вдоль предплечья, прямо по ходу вен, проступил багровый, уходящий в синеву геометрический узор. Ломаные линии, пересекающиеся окружности, руны, которые он уже видел — не наяву, а в том проклятом сне, где безликая фигура водила пальцем по его груди.

— Бред... — прошептал он. — Просто галлюцинация. Угар. Метан из старой ветки.

Но маслянистая лужа под ногами существа не испарялась. А сам труп на глазах начал терять форму, оседая, рассыпаясь серой пылью и сухими чешуйками, пока через пару минут на шпалах не осталось ничего, кроме луж копоты.

Алекс опустился на одно колено и шарил свободной рукой по сырому полу, пока пальцы не наткнулись на что-то твёрдое, холодное, застрявшее в разорванной плоти.

Это был кусок металла — или камня? Чёрный, матовый артефакт треугольной формы, размером с ладонь, с выбитыми по краям микроскопическими бороздками. Когда он взял его в пальцы, жжение на руке на секунду утихло, сменившись ледяным покалыванием, будто к коже приложили сухой лёд. Артефакт тяжело лёг в руку, словно втягивая в

себя тепло тоннеля.

Сзади, из глубины неразведанного участка за бетонной брешью, донесся звук. Не шаги. Скрежещущий, ритмичный звук металлического механизма, который заводили раз в столетие.

Алекс сунул артефакт в нагрудный карман, застегнул молнию до самого горла, подхватил тяжёлый ключ и зашагал назад к служебному выходу, не оглядываясь на пульсирующий за спиной зелёный свет. Смена заканчивалась. Наверху, в будке дежурного, его ждал холодный свет флуоресцентных ламп, запах пыли и тишина ночного города, который ещё не знал, что под его асфальтом пробита первая брешь.

Глава 3. Попытка Зинченко скрыть аномалию

Зинченко ждал у распределительного щита на стыке с центральной веткой. Бригадир нервно оттирал мазут с пальцев ветошью, покрикивая на старый промасленный фонарь, который мигал, грозя погаснуть совсем.

— Долго тебя носит, Вейл, — бросил он, даже не поднимая головы. — Диспетчерская на ушах стоит. Если датчики в восьмом секторе опять сбrehали, я спишу это на твою премию.

— Датчики в норме, — соврал Алекс. Голос прозвучал сухо, привычно-бесцветно, но в груди колотилось так громко, что, казалось, Зинченко услышит стук сквозь грохот метро. — Трещина в изоляции. Влага подмыла основание. Я замазал герметиком.

Он не замазал ничего. Стена в восьмом секторе дышала, и ложь далась ему тяжелее, чем удар ключом по черепу твари.

Прошло полчаса. Алекс стоял в тени технической ниши, следя, как Зинченко с двумя подсобниками вбухивает в брешь третий подряд мешок «Ремолита-9» — фирменного быстротвердеющего состава корпорации, способного заделать пробоину в корпусе подводной лодки за полчаса.

Но здесь состав не застывал.

— Не берёт, сука, — пробормотал бригадир, пнув носком сапога серую лепёшку, которая должна была стать прочным барьером, но вместо этого пузырилась и стекала на шпалы маслянистой жижей, источая едкий запах аммиака. — Третий мешок вбухал. Химия вступает в реакцию с этой дрянной сыростью и просто распадается. Если Кейн увидит этот кисель... нас просто вычеркнут из реестра, Вейл. Отправят чистить реакторы без допуска.

— Нужно вскрывать регламент, вызывать аварийную смену геологов, — спокойно сказал Алекс, хотя внутри всё сжималось в холодный узел. Он уже знал ответ.

— Каких геологов, ты рехнулся?! — Зинченко резко развернулся. Лицо его в жёлтоватом свете фонаря выглядело седым и постаревшим лет на десять. — Ты что, не понимаешь, где мы работаем? «Айрон-Гейт» официально держит здесь сухой контур законсервированной ветки девятнадцатого года. Точка. Если мы зафиксируем аномалию, сюда приедут парни в серебристых костюмах из службы безопасности. И поверь, Алекс, после их визита мы с тобой перестанем существовать даже в налоговой базе. Бери лопату. Засыпай эту жижу балластным щебнем. Сверху бросим плиту перекрытия, прижмём домкратом. Аудитор пройдёт по верхнему мостику, проверит датчики давления на сваях — они в норме, я сам с утра перепрошил плату на пульте, — и уйдёт пить свой латте наверх. Понял меня?

— А Чен? — тихо спросил Алекс.

Зинченко замер. Фонарик в его руке качнулся, выхватив из темноты бледное, застывшее лицо Алекса.

— Какой... какой Чен? — голос бригадира дрогнул, но тут же попытался обрести прежнюю железобетонную твёрдость. — Чен уволился по личным обстоятельствам. Смена закончилась, он сдал жетон в диспетчерской. Ты его не видел. Я его не видел. Запомни это, Вейл. Это первое правило работы на нижнем периметре.

— Он оставил термос, — Алекс расстегнул рюкзак, вытащил помятую стальную колбу и поставил её на край бетонного блока прямо перед носом Зинченко. — Горячий.

Бригадир уставился на термос так, будто перед ним лежала граната с выдернутой чекой. Он протянул руку, пальцы коснулись металла — и Зинченко тут же отдернул их, словно ожёгшись. На его лбу выступили крупные капли пота.

— Убери это, — прошептал он, и в его глазах блеснул неподдельный, первобытный ужас, перед которым меркла даже боязнь корпоративного увольнения. — Убери эту херню с глаз, Вейл, пока я не заставил тебя сожрать её вместе с крышкой.

В этот момент где-то наверху, в дальнем конце вентиляционного ствола, протяжно и надрывно зазвенел зуммер служебного лифта. Сигнал прибытия аудиторской группы.

Зинченко судорожно сглотнул, оглянулся на тёмный провал тоннеля, откуда тянуло сыростью и мёртвым теплом, а затем тяжело посмотрел на Алекса.

— Они здесь. Если ты хоть словом обмолвишься Кейн о том, что здесь произошло... клянусь, я сам скину тебя в этот проклятый забой. Шевелись.

Бригадир отвернулся и быстрым, суетливым шагом направился к лестнице, ведущей наверх. Алекс остался один. Он медленно взял термос, спрятал его в рюкзак, проверил, надёжно ли скрыты рубцы под тканью рукава, и коснулся пальцем холодного треугольного камня в кармане. Камень ответил слабым, едва ощутимым пульсом, синхронным с ударами его собственного сердца.

Глубоко под землёй, сквозь толщу гранита и бетона, кто-то сделал ответный шаг.

Глава 4. Термос, который сохраняет тепло

Он ждал до конца смены. Дождлся, когда Зинченко уедет с аудитором наверх, когда погаснут огни в диспетчерской, когда тоннель заполнится той особенной, предрассветной тишиной, в которой слышно, как капает вода в дренажных колодцах. И только тогда Алекс вернулся в техническую нишу. Расстегнул рюкзак, вытащил термос Чена — тот самый, что подобрал у пустого поста насоса, — и поставил его на край верстака из ДСП, залитого машинным маслом.

Прошло уже больше тридцати часов с тех пор, как Чен исчез в этом тоннеле, а термос всё ещё извергал жар. По всем законам физики кипяток внутри должен был давно превратиться в ледяную воду. В сыром каменном мешке, где температура никогда не поднималась выше пяти градусов, металлические инструменты покрывались инеем за пару часов.

Термос был горячим. Обжигающе, невыносимо горячим — как только что снятый с плиты котелок. Резина на перчатке мгновенно стала мягкой, липкой.

Шипение.

Тонкая струйка обжигающего пара вырвалась из-под пробки. Запах застарелого дешёвого чая смешался с запахом озона и древней, сырой земли. Чай внутри был кипящим.

Живым. Никакого запаха кофе или заварки — только чистый, резкий озон, от которого защипало в носу, и едва уловимый, сладковатый дух мокрой земли после грозы. Алекс заглянул внутрь. На дне металлической колбы, сквозь поднимающиеся пузырьки, мерцало что-то смутное, золотистое, пульсирующее в такт невидимому сердцебиению, доносившемуся прямо из толщи бетона.

Он понял это не умом — он понял это всем телом, от затылка до пяток: законы термодинамики здесь больше не работали. Если этот термос может гореть спустя сутки после исчезновения его владельца, значит, то существо — тварь с лицом, стёртым, как кусок мыла, — не было галлюцинацией уставшего мозга. Оно было здесь. Оно было.

— Чен, старый упрямец, — прошептал Алекс в пустоту тоннеля. — Что ты там нашёл?

Он наклонил термос, и вместе с паром из горлышка на тыльную сторону его ладони скатилась капля кипятка. Боль была острой, но странной: кожа не покраснела волдырём — вместо этого на месте ожога на секунду вспыхнул тусклый, зеленоватый свет, тут же погасший под эпидермисом. А несколько секунд спустя в памяти Алекса что-то тихо исчезло. Он попытался вспомнить, какого цвета были шторы в квартире отца перед тем, как тот исчез в тридцать первом, — и не смог. Пустота была гладкой и холодной, как бетонный пол забойной.

Он резко закрутил крышку. Термос остался у него в руке

— сухой жар отдавал в ладонь даже сквозь ткань перчатки.
— Вейл! — голос Зинченко эхом ударился о своды. —
Какого черта ты там копаешься?!

Бригадир стоял в трёх шагах, в руках — тяжелый гидравлический гаечный ключ. Его лицо было багровым от быстрой ходьбы, а под глазами залегли свинцовые тени человека, который не спал трое суток. Он видел термос. Он видел пар.

— Ты что творишь, ублюдок? Я велел зачистить сектор и забыть про эту нишу. Ты думаешь, ты тут самый умный? Думаешь, ты первый, кто решил поиграть в детектива? Чен списан. Несчастный случай на производстве. Завал в дренажной шахте. Бумаги уже подписаны в головном офисе, понял?

— Какого черта там за стеной, Зин? — Алекс встал, сжимая термос в руке. — Мой отец... Виктор строил этот периметр тридцать лет назад. Что он здесь запер?

При упоминании имени Виктора Вейла лицо Зинченко дернулось, словно от пощёчины. Багровый оттенок сменился серо-землистым.

— Твой отец был больным ублюдком, который возомнил себя богом, — тихо, почти шипя, произнес Зинченко. Он сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию до минимума, и неожиданно резко выбросил руку вперёд, целясь в термос, который Алекс держал у груди.

Алекс машинально отшатнулся — и пальцы его соскользнули с гладкого, мокрого от конденсата корпуса. Термос вырвался, грохнулся о бетонный пол. Крышка отлетела и пока-

тилась по щебню, кипяток плеснулся через край, зашипев на серой пыли.

Зинченко рванулся вперёд и, прежде чем Алекс успел подхватить колбу, схватил её с пола за корпус.

И тут же его лицо исказилось от резкой, судорожной боли. Бригадир издал странный, захлёбывающийся звук, словно его ударили под дых раскалённым ломом. Термос в его руке не просто нагрелся — он засиял изнутри тусклым, ядовито-зелёным светом, пробивавшимся сквозь потертую краску. Воздух вокруг затрещал, наполняясь запахом озона и палёной шерсти.

Алекс сработал рефлексом старого обходчика: в одно движение перехватил руку Зинченко, вырвал термос, сбил бригадира с ног и рывком отбросил его от верстака. Бригадир рухнул на решётчатый пол с глухим стоном, судорожно хватая ртом воздух и прижимая к груди волдырчатую ладонь, с которой уже сходила кожа.

— Ты... ты что наделал, тварь... — хрипел он, глядя на Алекса безумными, полными первобытного ужаса глазами. — Она живая... эта стена... она внутри тебя, Вейл! Я видел... видел...

Он пятился назад, цепляясь сапогами за металл.

— Уходи отсюда, — прохрипел бригадир, и в его взгляде больше не было ни злобы, ни начальнической спеси — только животный, абсолютный страх. — Слышишь? Уходи. Андерсон уже едет. Они знают про брешь. Они знают про твою

его отца... Они перероют весь забой, но выжгут это дотла. И тебя вместе с ним.

Алекс нагнулся, подобрал крышку, навинтил её на горлышко. Потом сунул термос в рюкзак, застегнул молнию куртки, пряча артефакт. Внутри него, под рёбрами, нарастало холодное, чёткое осознание: больше прятаться негде. Бетонная стена за спиной гудела низко, мерно, как гигантское сердце, отсчитывая секунды до того момента, как корпорация «Айрон-Гейт» сорвёт последние замки.

Он развернулся и зашагал к служебному выходу, не оглядываясь на задыхающегося от страха бригадира. Смена закончилась. Наверху, в будке дежурного, его ждали холодный свет флуоресцентных ламп, запах пыли и тишина ночного города, который ещё не знал, что под его асфальтом пробита первая брешь. А в рюкзаке на плече, рядом с разводным ключом и артефактом, лежал термос, который невозможно было ни выбросить, ни забыть, — как будто Чен сам решил, что пойдёт с ним до конца.

Глава 5. Символы на теле после странного сна

Шершавая кирпичная кладка ванной комнаты холодила лоб. Алекс уперся ладонями в края раковины так сильно, что побелели суставные сочленения больших пальцев. Вода из крана шла рывками — ржавая, с металлическим душком подземных скважин, который не выветривался из этих кварталов даже на десятом этаже.

Он пытался сосчитать вдохи. Шестьдесят секунд на выдох, сорок — на задержку. Старый приём линейных обходчиков, чтобы сбить паническую атаку после внезапно-го отключения вентиляции в секторе. Не помогало. Воздух в квартире казался слишком густым, пахнущим машинным маслом, озоном и жжёной проводкой. Будто кто-то закачал в спальню выхлоп буровой машины.

Перед глазами стояла белая, слепящая вспышка сектора номер восемь. И безликая фигура. Она не двигалась, но Алекс точно знал, что она смотрит. На сетчатке глаза, прямо под правым веком, застрял этот остаточный образ — серый силуэт без рта и глаз, проступающий сквозь темноту всякий раз, когда он моргал.

Он резко поднял голову. Зеркало над раковиной было покрыто вековой сеткой микротрещин, сквозь которые его соб-

ственное лицо дробилось на дюжину осколков. Под левым глазом залегла глубокая, свинцовая тень — не от недосыпа, а такая, какую оставляет въевшаяся в поры угольная пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.